

В армейском лагере Ди Ло прожила уже столько времени, что у неё выработался условный рефлекс: стоило кому-то дотронуться до неё, как, ещё даже не проснувшись, каждая клеточка её тела начинала кричать, ощетиниваясь невидимыми иглами, и она настороженно плотнее куталась в одеяло.

Ди Ло яростно моргнула, широко распахнув глаза, и постаралась придать себе свирепый вид: — Ты что делаешь?

— Я...

Цянь У в растерянности смотрел на свирепого, но при этом по-детски милого Ди Ло, не в силах вымолвить ни слова.

Сердце стучало как безумное.

Цянь У неуверенно приподнял баночку с мазью в руке и глуповато произвел: — Боюсь, твоя рана на заднице к завтрашнему дню воспалится, хотел немного мази намазать.

— Не нужно.

Ди Ло от страха мгновенно протрезвела, на лице под тонким пушком выступил холодный пот. Она изо всех сил старалась выглядеть совершенно спокойной, но внутри всё трепетало, как от ударов в барабан, заставляя барабанные перепонки болезненно гудеть.

— Не нужно, я сам потом намажу.

Повторила она и тут же выхватила мазь из рук Цянь У. Спать ей теперь было явно некоротко: преодолевая жуткую боль в заднице, Ди Ло с трудом поднялась с кана и мрачно, сквозь зубы бросила: — Пойду выйду на улицу, подышу свежим воздухом.

Подышать воздухом?!

Среди ночи.

Чжао Шисань с тревожным выражением лица смотрел, как Ди Ло криво-косо слезает с кана и, покачиваясь, бредет к выходу. Когда она приподняла занавеску на дверном проеме, он наконец не выдержал и окликнул её: — Эй, Ди Ло, ты куда это намылился?

Слова, которые он сдерживал уже несколько дней, больше не получалось держать в себе.

Чжао Шисань нахмурился. Хоть Ди Ло и был самым младшим в их казарме, но одновременно с

этим и самым вредным. Чуть что — уставится на тебя своими невинными глазами с холодным выражением, да так, что им, взрослым мужикам, так и хотелось впечатать его лицом в землю и хорошенько отлупить.

Есть дело — так говори прямо, хватит всё время строить из себя такую оскорбленную невинность.

Ты что, и вправду возомнил себя кисейной барышней?!

Если ты и вправду неженка, чье хрупкое сердечко ничего не способно вынести, так убирайся отсюда по добру по здорову.

Вечно принимаешь чужую доброту за враждебность, совершенно не умеешь сходить с людьми.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился. Скрипнув зубами, Чжао Шисань придерживая рукой собственную ушибленную задницу и хромя, добрался до Ди Ло и с недовольным видом выдал: — Ди Ло, ты можешь перестать ломать комедию? Мы тут все взрослые мужики, чего нам стесняться? У всех по две ноги и брюхо посередине, все такие же мужики, чего тут бояться?!

Погодив немного, он продолжил: — Если ты всего боишься, лучше с самого начала не иди в армию, не суйся в лагерь. Я ещё в первые дни хотел тебе это сказать — ты совсем не командный игрок, возомнил себя каким-то господином, о котором все должны заботиться?!

Цянь У из лучших побуждений хотел помазать тебе рану, чтобы завтра задницу не разнесло от инфекции, а ты что? Мало того что отказался, так ещё и рожу скорчил. Перед кем ты тут нос воротишь?

Ди Ло холодно посмотрела на него, на её лице не дрогнул ни один мускул.

Знай она заранее, что с этими мужчинами столько хлопот, ни за что не стала бы с самого начала сближаться с этим Чжао Шисанем.

Она чуть изогнула губы в усмешке и безразличным, размеренным тоном произнесла: — Перед кем нос ворочу — тебя не касается!

Цянь У в стороне испуганно пытался их помирить, но никак не мог сообразить, кого именно ему останавливать. Пока он колебался хоть мгновение, те уже вовсю разругались.

— Ты...

У Чжао Шисаня перехватило дыхание от злости, он яростно ткнул в сторону Ди Ло пальцем: — Если бы не твои годы, если бы я не хотел о тебе позаботиться... Кто же знал, что ты окажешься такой неблагодарной сволочью? Я к тебе всей душой, всю душу наизнанку вывернул, считал тебя младшим братом, а оказывается, в твоём сердце я — пустое место!

Ди Ло бросила на него взгляд с полуулыбкой.

Она прекрасно знала, какое именно выражение лица способно сильнее всего взбесить окружающих.

И правда, равнодушие и едкие слова Ди Ло мгновенно воспламенили гнев Чжао Шисаня.

В армейском лагере у всех впереди была лишь туманная неизвестность и вечный страх смерти, на душе у каждого лежал тяжелый груз, а напряжение и так висело в воздухе.

Чжао Шисань никак не ожидал от Ди Ло такого отношения. На секунду он остолбенел от неверия, а когда Цянь У и Жун Чаншэн с тревожными лицами принялись оттягивать его за рукава, пришел в себя и, злобно усмехаясь, закивал: — Ладно, Ди Ло, хорош ты, нечего сказать! Раньше я зря лез не в свое дело и совался куда не просили. С этой минуты наши дороги расходятся, ступай по своей широкой дороге, а я пойду по своему мостку из одной доски. Если я еще хоть раз полезу к тебе или слово скажу — пусть я буду твоим внуком!

Ди Ло снова взглянула на него и, не сказав ни слова, развернулась и зашагала прочь, не оглядываясь.

Из-за спины донеслись гневные, исполненные обиды ругани Чжао Шисаня.

Никто не заметил, что лицо Ди Ло, стоило ей отвернуться, было охвачено глубокой тоской.

Она вовсе не желала отталкивать чужую заботу, но ведь она — девушка! Случившееся сегодня было для неё внове, но дурочкой она не была. Если в будущем кто-нибудь действительно решит, что она попала сюда благодаря закулисным связям и нечестным путям, её образ в их глазах окажется предвзятым. А если на неё обратит внимание кто-то злонамеренный, то рано или поздно её истинная личность будет разоблачена.

В этом пограничном лагере люди самые разные, кого здесь только нет, и такая вероятность была слишком высока.

Но если порассуждать, дело всё же было в её собственной недостаточной силе. Будь она крепкой и физически сильной, способной в одиночку справиться с десятком противников, вряд ли кто-то осмелился бы к ней приставать.

Ди Ло стояла у входа, глядя на тубик с мазью в руке, с мрачным и тревожным выражением

лица.

Она прекрасно понимала, что Чжао Шисань желает ей добра, но ради своего будущего пути ей оставалось лишь поступить с Чжао Шисанем нечестно.

Ди Ло испытывала сильнейшие угрызения совести, однако ради самой себя ей приходилось стиснуть зубы и отсечь всех, кто питал к ней хоть какие-то чувства.

Любые чувства.

Ночью, ложась спать, Чжао Шисань всё ещё кипел от негодования и вовсе не хотел смотреть на Ди Ло.

Он злобно уткнулся носом в кан и отказался разговаривать с Ди Ло.

Ди Ло же делала вид, что ничего не замечает.

Устроившись на кане и найдя удобное положение, она погрузилась в хаос мыслей. Ди Ло не понимала, о чём ей стоит думать, а о чём думать не следует. Закрыв глаза, она ворочалась добрую половину ночи, прежде чем наконец провалиться в тяжёлый сон.

Во всей казарме стояла тишина и непроглядная тьма.

Именно в этот момент у входа внезапно послышался шорох шагов и шуршание отдергиваемой занавески. Чжао Шисань, который и так спал чутко, а от затаённой обиды прямо-таки чувствовал жжение в печени, мгновенно открыл глаза. Одним резким движением он вскинул голову и, прищурившись, уставился на дверь. В этот момент он разглядел высокую фигуру какого-то мужчины, который на цыпочках прокрался внутрь.

Судя по телосложению и донельзя вызывающей косе на голове, Чжао Шисань обладал отменным зрением и с первого взгляда узнал Ди Цзю.

Зачем это Ди Цзю сюда припёрся?!

Прищурившись, Чжао Шисань наблюдал, как Ди Цзю на ощупь проверяет одну постель за другой и наконец находит место Ди Ло.

Чжао Шисань кое-что начал соображать и теперь прекрасно понимал, зачем Ди Цзю здесь появился.

Но кто же этот Ди Цзю такой?

Все вокруг только и твердили, что после наступления темноты в лагере строго-настрого запрещено шастать туда-сюда, а ослушников ждет смертная кара. Однако Ди Цзю сумел пробраться из казармы Центральной армии, преодолеть большую часть территории лагеря, проскользнуть в их временное помещение, а затем на ощупь отыскать лежанку Ди Ло. Какая же у него чудовищная смелость!

Прищурившись, Чжао Шисань во все глаза следил за тем, как Ди Цзю украдкой шарит за пазухой Ди Ло, вытаскивает оттуда какую-то вещицу и начинает размахивать ею прямо перед носом девушки. Обычно чутко спящая Ди Ло сегодня спала настолько крепко, что даже не заметила проникновения постороннего в казарму. Помахав вещицей пару раз и убедившись в её сне, Ди Цзю тихонько выдохнул, достал что-то ещё и в темноте откинул одеяло Ди Ло.

Чжао Шисань наблюдал за происходящим во все глаза, и его кровь почему-то закипела от волнения.

Ди Цзю на ощупь принялся шарить по одежде маленькой Ди Ло, а затем просунул руку ей под пояс, расстёгивая его, и одновременно бормотал себе под нос: Получила ранение и даже не соизволила сказать мне об этом, заставив меня узнать обо всём только после окончания тренировки. Неизвестно ещё, мазала ли она рану лекарством. А ведь мазь, которую я ей принёс, просто превосходная, за два-три дня уже корочка образуется.

Неизвестно почему, но, касаясь мягкого живота Ди Ло, Ди Цзю неожиданно для самого себя покраснел и мысленно выругался: С чего это кожа этого паршивого мальчишки такая гладкая? Ещё и мягкая, так и хочется потискать.

Повторяя про себя эти слова, он единым движением стянул с Ди Ло штаны.

Чжао Шисань смотрел на это со злорадством.

Разве ты не отказывался позволять другим обрабатывать твои раны?

Разве ты не возмущался, когда кто-то пытался стянуть с тебя штаны?!

Получай же! Нашёлся тут незванный гость. Единственный минус заключался в том, что в казарме царила кромешная тьма и ничегошеньки не было видно. Стоило бы зажечь для него огонь, а лучше — поднять на ноги всех товарищей по казарме, чтобы собраться вокруг и воочию оценить, не отделан ли твой зад золотой каёмкой.

Из-за вечерних событий Чжао Шисань всё еще не мог избавиться от гнетущей обиды.

Он видел, как только что бормотавший что-то себе под нос Ди Цзю в какой-то момент замолк и принялся молча накладывать мазь.

Во мраке никто не мог заметить, как дрожащие во время нанесения мази пальцы Ди Цзю неизбежно касались ягодиц Ди Ло. От прикосновения к этой мягкой и нежной коже его лицо мгновенно вспыхнуло так ярко, будто собиралось закровоточить, а покрасневшие уши пылали пуще прежнего.

И слава небесам, что ночью в казарме не разрешалось зажигать огни! Иначе, заметь кто-нибудь его покрасневшее до состояния сильного ожога лицо, он бы от жуткого смущения наверняка пожелал провалиться сквозь землю.

Наконец мазь была нанесена. Ди Цзю тяжело вздохнул. Пожалуй, это было самое трудное дело из всех, что ему доводилось выполнять за всю жизнь. Раньше ему ведь доводилось накладывать мази на раны товарищей, так почему же, когда дело дошло до Ди Ло, он чувствовал, что во всем его теле творится что-то неладное?

С чего это сердце вдруг забилося так радостно?

Ди Цзю сжав пальцами грудь в районе сердца, в панике натянул штаны Ди Ло. Пояс толком завязать не получилось — он лишь кое-как запахнул одежду и тут же бросился наутек.

.....

Полог палатки со стуком хлопнул о деревянный косяк. Мужчины в бараке в едином порыве открыли глаза, приподнялись на локтях и посмотрели на временного соседа по палатке. Переглянувшись, они дружно уставились на койку Ди Ло.

Этот пацан всё еще крепко спал. Неужели его так трепали, а он даже не проснулся?!

Вот уж поистине живучий чертёнок.

.....

На следующее утро, едва забрезжил рассвет — в привычный час, когда те, кто вставал пораньше для тренировок, только-только выходили из барakov в надежде немного побегать, — откуда-то вдруг раздался истошный вопль:

— А-а-а! Какого чёрта, мать вашу за ногу, какого чёрта?!

Этот пронзительный визг отдаленно напоминал девичий вопль, но в их бараках обитатели лишь грубые мужлань, откуда здесь взяться женщинам?

Наверное, слышалось. Просто слышалось.

Толпа на мгновение замерла, а затем каждый вернулся к своим делам.

.....

А Ди Ло, багровея от стыда до самых ушей, судорожно затягивала пояс на штанах, которые едва не свалились, стоило ей только подскочить с кровати. Ей хотелось провалиться сквозь землю — от стыда некуда было деть лицо.

Вчера вечером она же завязала пояс на совесть, безупречно ровно, так как же получилось, что за ночь штаны... словно кто-то стягивал?

Кто это сделал?!

Она была уверена, что лунатизмом не страдала и страдать не могла.

Вчера вечером ее задница еще полыхала огнем, а сегодня уже почти не болела. Если бы кто-то не стягивал с нее штаны, она бы ни за что в это не поверила!

Ди Ло воинственно сверкала глазами. Ее покрасневшие зрачки едва сдерживали слезы, и теперь в каждом встречном она видела подозреваемого.

Однако, заметив странные взгляды соседей по комнате, она была вынуждена проглотить рвущиеся наружу слова — это был классический случай, когда приходится глотать кровь вместе с выбитыми зубами.

Она не могла ни сказать об этом, ни заикнуться.

Если проговориться, а кто-то из злоумышленников запомнит?

Что делать, если потом случится беда?!

Ей нужно было проявлять предельную осторожность, не оставляя после себя никаких улик.

Похоже, в этой истории со снятыми исподтишком штанами ей оставалось только молча терпеть горечь поражения, словно объевшись полыни.

Ди Ло хранила абсолютное молчание. После того самого утреннего крика она сделалась жутко немногословной.

Слишком крепко же она спала.

Да и боевые навыки оказались слишком слабы.

Ей умудрились стащить штаны прямо посреди ночи, а она ничего не заметила. И теперь оставалось лишь гадать, не раскрыл ли кто-нибудь ее истинный женский пол.

Ди Ло сползла с нарт. Гнев от того, что кто-то стянул с нее штаны, мгновенно сменился жгучей тревогой — она боялась разоблачения.

При этом все вокруг казались подозрительными, и в то же время ни у кого не было очевидных улик.

И что теперь делать?!

Сердце колотилось от страха.

Похоже, ей нужно было стараться — стараться еще сильнее.

Ди Ло сжала губы, на ее лице читалась непреклонная решимость: независимо от того, догадался кто-нибудь о том, что она девушка, или нет, до того как тайное станет явным, она обязана тренироваться еще безумнее, увеличив нагрузки сверх прежней нормы.

.....

С момента прибытия отряда новобранцев в пограничный лагерь прошло уже больше полумесяца, и за это время прозвище маленького безумца Ди Ло успело разойтись по всей округе.

Она была слишком жестока к самой себе.

Об этом шептались даже среди высшего командования.

Каждое утро она начинала тренировки еще до рассвета, а днем выкладывалась на муштровке усерднее всех.

Пусть ее движения не всегда отличались идеальной точностью, но она брала исключительным упорством и старанием.

Именно такие солдаты нравились командирам больше всего: послушные, исполнительные, трудолюбивые.

Сразу несколько мелких командиров уже планировали забрать Ди Ло к себе во время

предстоящих пробных учений — лишь бы она не слишком позорно проиграла, тогда проблем не возникнет.

Совсем юные солдаты сейчас поддавались дрессировке лучше всего, из них было проще всего лепить нужных людей. Поражение не страшно; страшно, когда ты проигрываешь, но понятия не имеешь, в чем именно твоя ошибка.

.....

Долгожданные соревнования новобранцев, наконец, начались.

Среди новичков хватало тех, кто владел боевыми искусствами, и еще больше было одаренных бойцов.

Ди Ло же пока считалась лишь новичком — причем худым и низкорослым. Судя по всему, в этот раз ей не светило занять сколько-нибудь заметное место.

Впрочем, она и не рассчитывала блеснуть на этих состязаниях. Ей было бы достаточно не оказаться в самом хвосте и не угодить в прачечную или на хозяйственные работы — тогда она сочла бы свою задачу выполненной.

.....

Весь плац был забит чернеющей людской массой.

Лишь прожив здесь целый месяц, Ди Ло осознала, насколько грандиозным было число людей в пограничном лагере — даже участников соревнований набралось изрядное количество.

Провести турнир среди такого толпа народа оказалось непростой задачей: из-за обилия участников во втором лагере потребовалось немало дней, чтобы хотя бы бегло прогнать первый круг.

Место Ди Ло оказалось не слишком высоким, но и не самым низким.

Этим она была обязана ежедневным тренировкам, больше похожим на самоистязание. В отличие от тех, кого пригнали в армию насильно, выхватив от сохи, она вступила в войско добровольно. Те же несчастные, даже смирившись со своей участью, продолжали терзаться думами о стариках-родителях, женах и детях, оставшихся дома.

Обремененные заботами, они неизбежно теряли душевное спокойствие. Ди Ло же была свободна от подобных уз, а потому, пусть она и не блистала особо в этих состязаниях, но и не ударила в грязь лицом.

Крепкий середняк.

И все же она оставалась девчонкой, причем изнеженной с малых лет барышней.

Пусть она уже больше месяца провела здесь и тренировалась на износ, ей всё еще было далеко до широкоплечих и крепких мужчин. Если она и смогла занять какое-то место, то лишь благодаря исполнительности: она намертво заучила все приемы, показанные генералом, и просто брала хитростью.

После завершения схватки ее руки и ноги крупно дрожали, казалось, будто они ей вовсе не принадлежат — мышцы ныли и распухли от боли. На то, чтобы прийти в себя, ушло несколько дней.

Вслед за предварительным этапом подошел и второй тур армейского турнира.

На этот раз удача отвернулась от нее. Хотя Ди Ло кое-как удержалась в турнирной таблице, ее позиции стали крайне шаткими: она барахталась в самом хвосте вместе с Цянь У, который был всего на два года старше ее, и заносчивым книжником Чжао Шисанем.

Правда, оба они находились в списке выше нее.

Глядя на их результаты, Ди Ло почувствовала глубокое разочарование. Она так старалась, но все равно уступала этому противному книжнике Чжао Шисаню!

— Эх!

И кому теперь пожаловаться на несправедливость?

Неужели между мужчинами и женщинами действительно пролегла непреодолимая пропасть?!

Неужели женщина обречена вечно оставаться позади мужчины?!

Раньше, будучи затворницей в отцовском тереме, сытой и ухоженной, окруженной достатком, она никогда не задумывалась о подобных вещах. Теперь же, очутившись в армейском лагере, она вдруг отчетливо поняла, что все ее прежние удобства были добыты тяжелым отцовским трудом.

Но стоило ей самой взяться за дело, начать борьбу за собственное будущее, как она осознала: физические возможности мужчин и женщин разделяет непреодолимая стена.

Сама не зная почему, Ди Ло подняла голову. Мужчина, в очередной раз обошедший ее в

рейтинге, с воодушевлением вскинул руки, оглашая воздух победными криками и возбужденным ревом. Нахмутив брови, она смотрела на него холодным, полным смутной сложности взглядом.

Она прекрасно понимала, что после всего лишь месяца каторжных тренировок ей не тягаться с крепкими от природы мужчинами, обладающими изначальным преимуществом. Она знала, что должна быть довольна уже самим фактом завоевания подобной позиции.

Но смириться она не могла. И довольной не была.

Ей требовался быстрый рост, ей нужно было завоевать свое место под солнцем в этой армии. Стоит ей обрести хоть какой-то вес в войсках, как заветная цель окажется на расстоянии вытянутой руки.

Она ждала этого дня слишком долго. И хотя она была готова ждать сколько потребуется, ей необходимо было четко наметить цель, иначе слепые тренировки принесли бы лишь обратный результат.

Ди Ло плотно сжала губы, погрузившись в глубокие раздумья.

.....

Прибывшие в этом году новобранцы выглядят как сброд: те, кто хорош, необычайно хороши, а те, кто плох, не выдерживают никакой критики. Разве выживут такие солдаты на поле боя?

Цинь Цзыши закинул ногу на ногу и с мрачным выражением лица наблюдал за суетой и криками на плацу внизу. Заметив, как крупный рослый верзила единым движением сбивает с ног низкорослого паренька, он невольно опустил веки и забарабанил пальцами по колену, вполголоса пробормотав:

— Интересно, чего в конце концов добивается этот Цзиньцян? Договорились же полвека не нарушать границ, так нет же, не прошло и десятка лет, как их снова зачесалось?!

Он легко цокнул языком и с крайним раздражением презрительно бросил:

— С такими солдатами связываться — только портить дело. Сплошной разнобой. Отправь их на поле боя — чисто пущечное мясо.

— Генерал Цинь, неужели у вас сердце дрогнуло?

Мэн Юньбяо, сослуживец Цинь Цзыши, представлял собой здорового мужика с горой бугрящихся мышц, излучавших грубую силу. Он с хохотом хлопнул Цинь Цзыши по плечу и

произнес:

— Защита родины — священный долг мужей Великое Цзинь!

— Какой к черту долг! Все мы рождены матерями, у каждого сердце из мяса сделано. Раз уж отправлять их на войну, следовало бы сперва дать пару лет на подготовку. Взгляни-ка вон на того... на того коротышку. В толпе не разглядишь, а начнется бой — кони насмерть затопчут.

<http://bllate.org/book/20963/2127243>